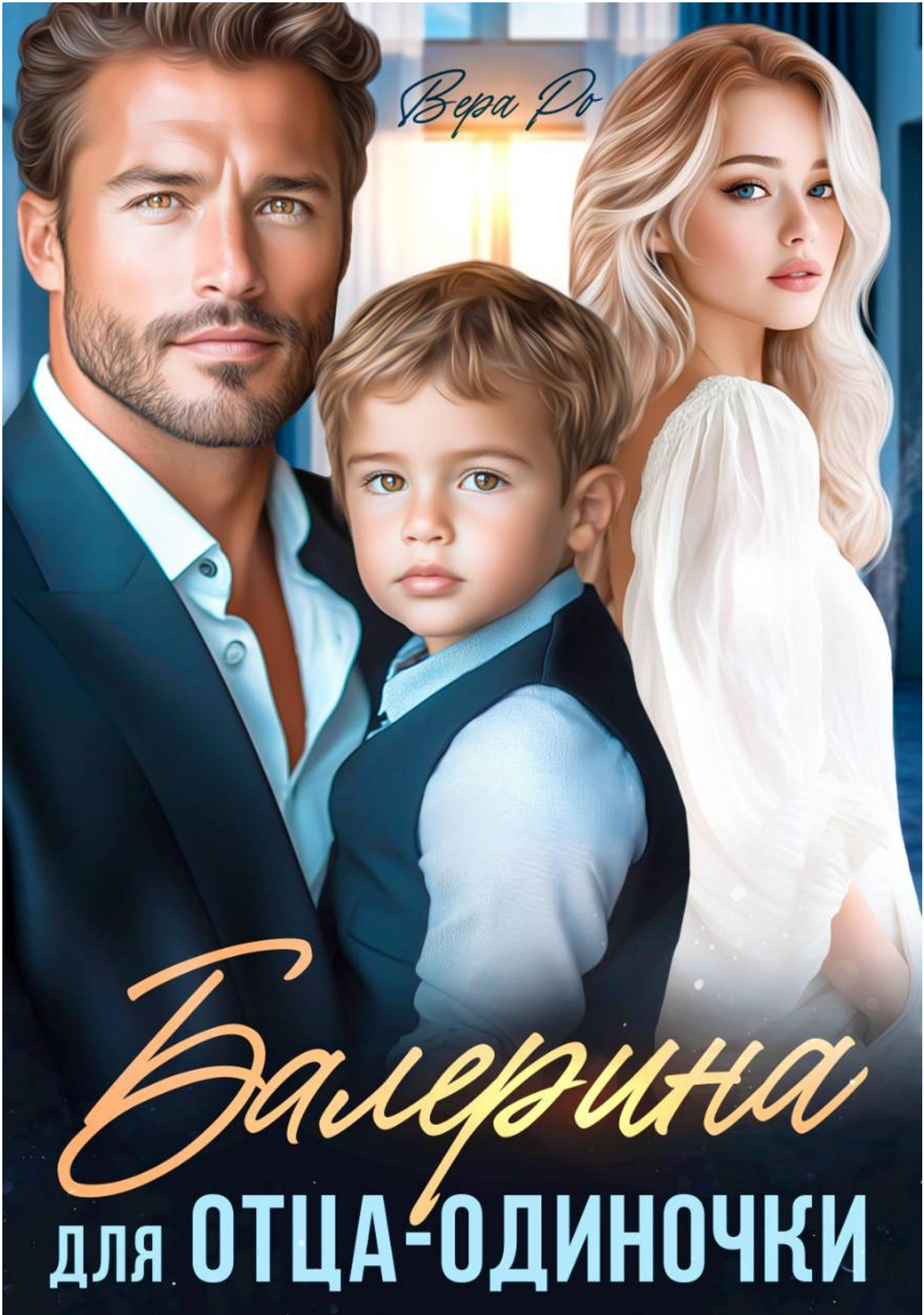
Вера Ро
Балерина
для ОТЦА-ОДИНОЧКИ

Вера Ро

Балерина для отца-одиночки

«Автор»
2026

Ро В.

Балерина для отца-одиночки / В. Ро — «Автор», 2026

Затаив дыхание смотрю, как мальчик останавливается и подходит ко мне.Сказать, что у него талант – ничего не сказать!- Ты раньше занимался танцами?- Немного, - мальчик пожимает плечами и помедлив добавляет: - С мамой.- Это заметно. У тебя огромный потенциал! Хочешь, я запишу тебя к нам? Будешь ходить?- Хочу, - кивает он. – Но не буду. Папа не разрешит.- Папа не любит танцы? – хмурюсь я.Ох уж эти «махровые» мужики со своими предрассудками- Нет. Но он не в восторге от танцовщиц, которые их ведут.***Я готов на многое, чтобы помочь сыну адаптироваться на новом месте и найти друзей. Записать его на любую секцию. Плавание, борьба, футбол... Однако, единственное занятие, которое его интересует, я считаю крайне неподходящим. Но как спорить с тем, что танцы меняют жизнь сына к лучшему? И как устоять перед его тренером, которая, в отличии от других, видит в моем мальчике не проблему, а потенциал?

© Ро В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. 7
Глава 2. 9
Глава 3. 11
Глава 4. 13
Глава 5. 15
Глава 6. 17
Глава 7. 19
Глава 8. 21
Глава 9. 24
Глава 10. 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Балерина для отца-одиночки

Пролог

Клим

— Как тебе школа, Ярик? Вроде неплохая, да? – с преувеличенным энтузиазмом интересуюсь я, выходя из ворот этой самый школы.

Линейка с классным часом только что закончились и мы с сыном решили прогуляться домой пешком, чтобы получше познакомиться с новым районом.

Ярик пожимает плечами.

— Нормальная, угу.

Его «нормально» я уже ненавижу. Это слово и прочие его вариации я слышу последние три недели в ответ на любой вопрос.

— А ребята в классе как? Хорошие? – не сдаюсь я. — Познакомился с кем-нибудь?

Ярик отрицательно машет головой, уткнувшись взглядом в свои новенькие, до блеска начищенные ботинки.

Мои надежды не оправдались…

Новый город, новые лица, новый этап в жизни сына – он теперь первоклассник, но проблемы так никуда и не делись. Может я все-таки зря затеял этот переезд?

Накрывает ощущением абсолютной беспомощности и чувства вины. Как архитектор, я могу филигранно вписать здание в любое пространство, но не могу вписать собственного сына в нашу новую жизнь…

Замечаю, как взгляд Ярика на секунду задерживается на стайке мальчишек, которые, возвращаясь с линейки, пинают пластиковую бутылку друг другу, словно футбольный мяч. На секунду в его глазах мелькает робкий интерес, но тут же гаснет.

Он отворачивается и прижимается ближе ко мне. А у меня болезненно екает сердце. Он боится. А я не знаю, как ему в этом помочь. Перемены всегда давались Ярику нелегко.

Предлагаю ему взять по мороженому и сходить в парк аттракционов, чтобы как следует отметить этот день. Но он лишь равнодушно пожимает плечами. И мы идем дальше.

Я настолько зарываюсь в свои мысли, полные самобичевания, что не сразу замечаю, как рука сына выскальзывает из моей.

— Ярик? – оглядываясь я назад.

Но сын не реагирует на меня, во все глаза уставившись на панорамные окна первого этажа современного здания. Избыточно холодного, на мой профессиональный взгляд. Сплошные стекло и бетон. А за стеклом — зал. Светлый, просторный, по периметру увешанный зеркалами.

И пары. Мальчики и девочки. Идеально прямые спины, высоко поднятые подбородки, острые носки туфель. Они скользят под приглушенную музыку, доносящуюся сквозь толщу стекла. Плавные, отточенные движения. Сама грация во плоти. А между парочками, внимательно наблюдая за каждым их шагом, каждым взмахом руки, изящно маневрирует хрупкая девушка в воздушном белом платье. Совсем молоденькая на вид. Ободрительно кивает, хмурит брови и еще реже делает замечания, корректируя их осанку, положение рук, ног и тел.

Сын завороженно наблюдает за этой картиной, забыв, как дышать. Признаться, я и сам замираю на несколько долгих секунд, очарованный этим хрупким созданием в белом.

Но внезапный укол тревоги под ребра заставляет меня отмереть.

— Красиво, да? — говорю я, и мой голос звучит глухо и неестественно даже для меня самого. — Пойдем, Ярик, нам еще в магазин нужно зайти.

— Они как птицы… — выдыхает сын.

И восторг в его голосе не на шутку тревожит меня. Только танцев нам не хватало!

— Да, девочки очень красиво танцуют, — делая акцент на втором слове, соглашаюсь я и, снова взяв его за руку, быстро перевожу тему: — А ты не думал чем хочешь заняться? Плавание, борьба, футбол?

Пусть психолог и не рекомендовал в первый же год чем-то дополнительно нагружать ребенка, но, если не сложится в школе, может он хотя бы там сможет найти друзей? Общие интересы и все такое. А еще спорт укрепляет организм. Ярику не повредит, он и так переживает из-за своего роста…

— Не знаю, — тяжело вздыхает Ярик, отвечая на мой вопрос. И снова опускает взгляд себе под ноги.

Господи, да как же тебя растормошить? Почему вместе с ребенком к нему не выдается и тонна инструкций?

Иногда, в такие моменты, я малодушно задумываюсь о том, правильно ли я поступил, оставив Ярика у себя. Но тут же осекаюсь. Это мысли недостойны отца. Да, порой нам с ним трудно найти общий язык, но я его люблю и желаю ему только лучшего.

— Ладно, у тебя еще будет время, чтобы подумать и решить, — дипломатично заключаю я и, мягко, но настойчиво тяну его за собой. – Пойдем, купим хотя бы торт.

Ярик наконец отрывает взгляд от окна и позволяет себя увести. Он делает несколько шагов, а потом оборачивается еще раз. Бросает последний, долгий взгляд на студию.

Я тоже невольно смотрю туда и вдруг встречаюсь взглядом с той самой девушкой в белом. Внимательным, пронзительным, словно заглядывающим в самую душу.

Нет. Танцы – это точно не вариант.

Хватит уже с меня танцовщиц.

Глава 1.

Олеся.

— Леся, он снова пришел, — легонько толкает меня локтем в бок Таня, наш второй хореограф, и кивает в сторону окна.

Точно, пришел. Кончики губ сами собой приподнимаются в сдержанной улыбке.

Вот уже неделю, ровно в половине второго, когда начинаются занятия у младшей группы, за панорамным стеклом нашей студии появляется он. Невысокий мальчишка, лет шести-семи, с слишком серьезными для его возраста глазами и рюкзаком, кажущимся неподъемным на его хрупких плечах.

Сегодня, как и всегда, он останавливается в метре от окна, стараясь слиться с тенью от колонны, словно боясь помешать. Его взгляд завороженно следит за парой, отрабатывающей медленный вальс. Он буквально впитывает глазами каждый их поворот, движение рук, ритм шагов. Кажется, будто он сам мысленно танцует там, в центре зала.

Но стоит мне только сделать малейшее движение в его сторону, улыбнуться или - о, ужас! – выйти из студии, как он исчезает. Испуганно опускает голову и быстро-быстро семеня шагами, растворяется в потоках людей.

Мое сердце щемит от тоски, глядя на его удаляющуюся хрупкую фигурку, ведь я вижу в нем не просто любопытного ребенка. Отчасти я вижу в нем себя. С тем же огромным неуемным желанием в глазах, что когда-то помогло мне пересилить робость и страх и заняться тем, что я по-настоящему люблю.

Вот почему мне так важно наладить с ним контакт.

В прошлый раз я едва не подловила его, когда мальчик отвлекся на свой рюкзак, копошась в его содержимом. Вышла из студии, подошла поближе и поздоровалась. Он отпрыгнул от меня, словно ужаленный и, развернувшись в противоположную сторону, дал деру, даже не заметив, что обронил тетрадку по математике с аккуратно выведенной подписью на обложке: «Ломакин Ярослав, 1 “А”».

Сегодня я хочу вернуть ее владельцу и, воспользовавшись моментом, наконец-то с ним поговорить.

Медленно, чтобы не спугнуть, я перемещаюсь к панорамному окну, останавливаюсь прямо напротив него. Мальчик замечает мое движение и замирает, словно олененок в свете фар. Все его тело напрягается, готовое к бегству в любую секунду. Пальцы с силой сжимаются на лямках рюкзака.

Какое-то время мы просто стоим так и смотрим друг на друга. Я – со всей доброжелательностью, которую только возможно передать взглядом, он – настороженно затаив дыхание и глядя на меня с немым вопросом.

«Заходи» - произношу я одними губами и жестом показываю на вход.

Мальчик тут же отрицательно качает головой и испуганно отступает на шаг назад.

Кивнув, будто соглашаясь с его решением, я поднимаю указательный палец, жестом прося подождать, и быстро ухожу вглубь зала. Мальчик остается стоять на месте, с интересом глядя мне вслед.

Взяв с администраторской стойки ту самую потерянную тетрадку, я возвращаюсь обратно и прижимаю ее к стеклу так, чтобы он увидел свою фамилию.

Кивком указываю на нее, а затем на него и вопросительно поднимаю брови. Он неуверенно кивает. И тогда я снова показываю на вход.

Мальчик колеблется долгие несколько секунд. На его лице отражаются все сомнения и отголоски внутренней борьбы. Любопытство и тяга к тому, что за стеклом, против привычного страха и желания остаться невидимым.

Но любопытство наконец побеждает.

Сделав шаг, потом еще один, он медленно, как по минному полю, направляется к двери.

Мое сердце от радости бьется чаще. Я отступаю от окна и иду ему навстречу.

— Ярик? Тебя ведь так зовут? — тихо спрашиваю я, когда он заходит внутрь. — Это твоя тетрадь?

Он молча кивает.

— Вот, держи, — протягиваю ему свою находку. Он осторожно берет ее и прижимает к груди. — Меня зовут Олеся. Я тренирую ребят по бальным танцам.

Он снова кивает, его глаза бегают по залу, по зеркалам, по блестящему полу, по ребятам, которые под Таниным руководством все еще отрабатывают движения, но уже с любопытством поглядывают на нас.

— Нравится? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал максимально нейтрально и безопасно.

И он снова кивает. Но на этот раз в его глазах, помимо страха и настороженности, вспыхивает искра восторга.

Та самая, ради которой все это и затевалось.

— А хочешь попробовать сам?

Глава 2.

Олеся.

Сердце замирает в ожидании. Я вижу, как его взгляд мечется от меня к танцующим парам, как он сжимает края тетрадки, превратившейся в его спасательный круг. Как сомневается и боится. Но я вижу и другое: крошечное, но упрямое пламя интереса, разгорающееся в его глазах.

Он молчит так долго, что я уже готова мягко отпустить его, сказать, что это просто предложение. Однако Ярик вдруг отвечает:

— А можно? – робко и тихо.

Чувствую, как по моей спине бегут мурашки.

Я рискую. Очень рискую, предлагая такое.

Ведь по идеи, я не могу приглашать ребенка в зал без предварительного согласия родителей. Но боюсь, что, если прямо сейчас попрошу Ярика привести кого-то из взрослых, то в очередной раз его спугну и придется начинать все сначала.

А если он вообще потом закроется и больше не придет?

— Конечно, можно! — уверенно говорю, сверяясь с настенными часами. — Сейчас у ребят как раз перерыв. У нас есть немного времени, и зал свободен.

Ребята проходят мимо нас к раздевалкам за водой и перекусом, а я жестом приглашаю Ярика следовать за мной. Он неуверенно озирается по сторонам, словно боится самих стен.

— Ничего страшного, — успокаиваю я его. — Все с чего-то начинали. Давай для начала просто постоим вот здесь, у станка.

Я подвожу его к деревянному поручню. Он осторожно прикасается к нему ладонью.

— Итак, первое — это прямая спина. По-королевски величественная осанка. Представь, что у тебя на голове стоит какой-нибудь очень хрупкий предмет, который никак нельзя уронить, иначе он разобьется. Вот так.

Я выпрямляюсь, расправляю плечи и показывая пример. Ярик внимательно смотрит на меня, а затем пытается повторить Его движения угловаты, плечи излишне приподняты к ушам от напряжения. Но спина! Спина у него удивительно прямая и ровная.

— Отлично! — искренне восклицаю я. — У тебя здорово получается! Теперь ноги. Пятки вместе, носки врозь. Видишь, как будто стрелочка или угол квадрата.

Он переводит взгляд на свои ноги, старательно двигает стопы. Получается неидеально, но для первого раза более чем.

— Молодец. А теперь… Руки, — я мягко беру его кисть. Он вздрагивает, но не отдергивает руку. — Расслабь, не нужно сжимать кулачки. Представь, что держишь в ладошке маленькую птичку. Ее нельзя выпустить, но слишком сжимать тоже нельзя.

Постепенно его пальцы расслабляются, рука становится легче, а движения изящнее.

— А теперь давай попробуем самое простое движение. Шаг. Раз-и-два-и... — Я делаю медленный шаг в сторону, перенося вес тела. — Просто повторяй за мной. Не спеши.

Ярик сосредоточенно хмурит бровки, весь уходя в себя. И повторяет. Шаг. Неловкий, но точный. Перенос веса. Он не просто механически двигает ногой, а буквально чувствует, куда должно идти тело. Легко считывает внутренний ритм, который я даже не начала отсчитывать вслух.

Мы делаем несколько шагов вдоль станка. Его движения становятся все увереннее. Он уже не смотрит себе под ноги, а доверяет ощущениям. Даже его плечи расслаблено опускаются.

По-хорошему, на этом бы нам и закончить, ведь разминку перед упражнениями мы не делали и лишние нагрузки могут навредить. Но не удержавшись, я все же показываю Ярику еще парочку движений перед зеркалом, а он усердно их выполняет, повторяя за мной.

— Ярик, ты просто молодец! — не сдерживаюсь я. — Такой способный!

Он поднимает на меня глаза, и в них уже нет страха. Там чистейший восторг и изумление, от того, что у него получается. От того, что его тело может проделывать такое.

Затаив дыхание смотрю, как он останавливается и подходит ко мне.

Сказать, что у него талант – это ничего не сказать!

— Ты раньше занимался танцами?

— Немного, — Ярик пожимает плечами и помедлив добавляет: — С мамой.

— Это заметно. У тебя огромный потенциал! Хочешь, я запишу тебя к нам? Будешь ходить?

— Хочу, — кивает он. – Но не буду. Папа не разрешит.

— Папа не любит танцы? – хмурюсь я.

Ох уж эти «махровые» мужики со своими предрассудками…

— Нет. Но он не в восторге от танцовщиц, которые их ведут.

Даже так? Это какая-то личная неприязнь ко мне?

Невольно вспоминаю тот день, когда увидела Ярика впервые, с ним рядом был мужчина с пронзительными карими глазами, и я готова поклясться, что никогда прежде не встречала его. Так откуда же у него могут быть ко мне какие-то личные счеты?

«Не в восторге от танцовщиц, которые их ведут» — невольно проносится в голове.

Впрочем, какая разница, речь ведь сейчас не обо мне

— Что ж, Ярослав, тогда я просто обязана поговорить с твоим отцом. Сможешь его сюда привести?

Глава 3.

Клим.

В Ярике что-то неуловимо изменилось.

За ужином он больше не ковыряет вилкой в тарелке, уставившись в одну точку, а с аппетитом уплетает котлету и даже немного рассказывает о своих школьных буднях, о проделках одноклассника, про соседку по парте и про то, что изучают на уроках.

Я логично списываю это на школу. Наконец-то лед тронулся, и адаптация пошла полным ходом. Ярик стал чаще улыбаться. Даже осанка у него как будто улучшилась, он больше не горбится, как старичок.

Я готовлюсь праздновать победу, как вдруг замечаю странность. По вечерам он закрывается у себя в комнате и включает музыку. В самом этом явлении нет ничего особенного, он и раньше так делал. Ярик тот еще меломан, но меня настораживает сама музыка. Не какие-нибудь веселые современные песни, и даже не его любимый старый акустический рок, а инструменталка, подозрительно смахивающая на классику.

Однажды, проходя мимо его комнаты, я заглядываю в щель двери. Он стоит посреди комнаты, вытянув руки в странной, округлой позиции, и медленно, очень сосредоточенно переступает с ноги на ногу. Увидев меня, Ярик тушуется, выключает музыку и делает вид, что ищет учебник.

Тревога, скребущая под ложечкой, возвращается ко мне с удвоенной силой.

Это то, о чем я думаю?

Ответ приходит на следующий день. Разбирая рюкзак сына, чтобы вытряхнуть лишние крошки и мусор, я натыкаюсь на небольшой прямоугольный листок плотной бумаги. Визитка.

«Студия бальных танцев «Грация». Главный тренер и руководитель Олеся Белицкая». Адрес и номер телефона.

А на обороте карандашом нарисован смешной человечек в позе, которую я видел вчера.

Лицо вспыхивает так, словно в него плеснули кипятка.

Так вот оно что! Это не школа и новые друзья. А танцы и та девушка, та… танцовщица, пудрит ему мозги! Воспользовалась его мягкостью, неуверенностью в себе, втерлась в доверие… Да как она могла?

Яркий, слепящий гнев затмевает все.

Не сказав Ярику ни слова, я хватаю визитку и выхожу из дома, даже не накинув на себя ветровку.

Останавливаюсь перед панорамными окнами студии, в которой идет занятие. Где та самая Олеся, стоя ко мне спиной, поправляет руку свое подопечной. А в следующий миг она оборачивается, словно почувствовав мой взгляд на себе.

Заметив меня, ее улыбка сползает с лица.

Она что-то говорит детям и второму педагогу и выходит ко мне.

— Вы папа Ярика? — угадывает она с первого раза.

Ее голос спокоен, но насторожен.

— Да, Клим Ломакин, — представляюсь я. – А вы Олеся Белицкая? —сую ей ее же визитку.

— Да, это я, — невозмутимо кивает она.

— Простите, но что вы себе позволяете? – набрасываюсь я на нее, раздраженный не то ее спокойствием, не то притягательной внешностью, на которую, даже несмотря на всю ситуацию невозможно не обратить внимание.

Красивая, статная и не такая уж и молодая, как показалось с первого взгляда

— Я позволяю себе видеть талант, когда он стоит прямо у меня перед носом, — ни капли не смущаясь, парирует она. — Ваш сын…

— Мой сын не будет ничем заниматься без моего ведома! — шиплю я, стараясь говорить тише, чтобы не пугать прохожих и детей в зале. — Вы что, думаете, я не знаю, как это работает? Вам нужны новые клиенты. И вы нашли тихого, неуверенного мальчика, втёрлись к нему в доверие, всучили свою визитку, пообещали черт знает что… В общем, запудрили ему мозги!

Она бледнеет и в первый момент я даже думаю, что перегнул, был слишком резок, однако очень быстро понимаю, что на дне ее глаз плещется не страх передо мной, а концентрированный гнев!

— Это я-то втерлась в доверие? Да он неделю стоял у моего окна и смотрел на танцующих с таким голодом, что… — она обрывает себя на полуслове и глубоко вздыхает, стараясь взять себя в руки. — Клим, вы не понимаете. Он сам этого хочет.

— Он всего лишь ребенок, которому вы внушаете, что он может летать! — свирепею я. — А потом что? Он упадет, получит травму, а вы возьметесь за следующего? Нет, спасибо. Обойдемся без ваших услуг.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти. Но ее твёрдый голос останавливает меня.

— Я не внушаю ему ничего, кроме уверенности в себе. Которая ему, кстати, очень нужна! Танцы — это не про «летать». Это про дисциплину. Про работу. Про умение владеть своим телом. Это спорт, который развивает координацию, выносливость, мышцы. Это искусство, которое учит слышать музыку и чувствовать партнера. Какая разница, в футбол он будет гонять или танцевать вальс, если это сделает его выносливым, сильным и счастливым?

Я оборачиваюсь. Ее слова бьют точно в цель. Ведь именно этого я для Ярика и хочу. Но танцы…

— У Ярика природное чувство такта и отличный слух, — понимая, что завладела моим вниманием, продолжает Олеся. – Он очень способный мальчик. Очень!

— И откуда же вам это знать? — настороженно прищуриваюсь я. — Вы уже проводили с ним смотр?

Олеся на секунду заминается. Но мне этого достаточно.

— Вот, значит, как… — чувствую, как красная пелена застилает глаза. — Вы не только втерлись в доверие, вы еще и проводили занятие с моим ребенком без моего на то согласия. Вы не имели на это никакого права!

— Я… Да, вы правы, — она на миг виновато опускает глаза, а ее щеки очаровательно алеют румянцем.

Боже, Клим, что еще за «очаровательно»? – мысленно даю себе подзатыльник я.

— Это правда получилось спонтанно… — продолжает оправдываться Олеся. — Я всего лишь хотела оценить его возможности. И да, я не имела права проводить с ним полноценные занятия, поэтому и дала визитку! Для вас! Чтобы вы пришли, и мы могли обо всем поговорить. Как цивилизованные люди.

Она снова смотрит на меня с вызовом. Красивая, гневная, уверенная в своей правоте. И эти ее последние слова — «цивилизованные люди» — звучат как пощечина.

Сжимаю визитку в кулаке так, что края врезаются в ладонь.

Да о чем мы спорим вообще? Это мой сын. И решение остается за мной.

— Нам не о чем говорить. И я очень надеюсь, что вы поняли меня с первого раза.

Не дожидаясь ответа, я резко разворачиваюсь и ухожу.

Глава 4.

Олеся

Стою посреди пустого тротуара, вся дрожа от несправедливости и отчаяния. С силой сжимаю кулаки, так, что ногти впиваются в ладони. В ушах звенит.

Да как он смеет? Этот заскорузлый, недалекий мужлан! Деспот! Самодур! Эгоист! Он не видит дальше собственного носа и своих идиотских допотопных преставлений о мужском и женском! Его сын горит, у него настоящий талант, а он… он хочет затушить этот огонь, заточив мальчика в темнице своих предрассудков!

Разворачиваюсь и заходу обратно с студию, но иду не в зал к детям, а в свой кабинет. Захлопываю дверь, прислоняюсь к ней спиной и закрываю глаза, пытаясь отдышаться. Сердце колотится где-то в горле, мешая дышать.

Наливаю себе стакан воды из кулера, но руки трясутся так, что я расплескиваю половину. Пью большими глотками, пытаясь проглотить ком ярости, застрявший внутри.

«Цивилизованные люди», — мысленно усмехаюсь я.

Черт. Надо было держать себя в руках, не уподобляться ему. Но этот взгляд свысока, эта уверенность, что он знает, что лучше для его ребенка…

Стук в дверь заставляет меня вздрогнуть.

— Лесь? Ты там?

Это Таня. Занятие уже закончилось? Сколько же я здесь стою?

Открываю дверь. Она заглядывает ко мне с горящими от любопытства глазами.

— Лесь, а что это был за бог войны? Твой бывший?

— Бывший? С чего ты взяла? – удивляюсь я, не понимая логику подруги.

— Ну вы так ругались, что между вами летели искры … — мечтательно тянет она и уточняет со знанием дела: — Настоящая химия!

Смотрю на нее, не веря собственным ушам. Химия? Искры? Она что, совсем с ума сошла?

— Тань, это был отец Ярика Ломакина, — вздыхаю я. – Помнишь, того мальчика за окном?

— Да ты что? – всплескивает руками Таня, хватаясь за сердце.

— Угу, — многозначительно киваю я. — Пришел, чтобы сообщить мне, что танцы – это не мужское дело и что я аферистка, которая пудрит мозги несчастным детям, чтобы выкачать из них деньги. А еще чтобы я не думала даже дышать в сторону его сына, — утрированно пересказываю я наш короткий, но содержательный диалог.

Лицо Тани вытягивается. Любопытство сменяется сочувствием.

К сожалению, мы сталкиваемся с этим слишком часто.

— Иди сюда, – не дожидаясь моего согласия, она заключает меня в свои объятия. — Мне так жаль, Лесь. Правда.

— Мне тоже.

—Но что поделать, родительское право. Придется смириться.

— Смириться? — я вскидываю голову, выпутываясь из кольца ее рук. — Тань, ты же видела этого мальчика. Ты видела, как он двигается? Как у него горят глаза? А этот… этот самодур хочет пресечь все на корню. Это просто несправедливо!

Таня не спорит, лишь понимающе кивает. Что тут еще сказать?

Весь вечер я нарезаю круги по своей квартире, словно тигр в клетке. Взгляд снова и снова цепляется за полки с многочисленными кубками и медалями. За фотографию, где я, еще совсем юная девочка, стою у станка, выполняя упражнение, с сияющими от счастья глазами. Сколько таких, как Клим Ломакин, я повидала на своем пути? Сколько раз слышала эти

и многие другие, порой нелепые и смехотворные, аргументы? Но никогда это так сильно не задевало меня за живое.

Было в его словах, его гневе, нечто такое… Очень-очень личное.

Может дело не только в предрассудках? Может им движет что-то другое. Что-то… болезненное, пугающее, триггерное.

«Он упадет, получит травму, а вы возьметесь за следующего…» — в памяти всплывают его слова. И звучат они до боли знакомо.

Уж кому, как не мне знать все о травмах и преждевременном списание в утиль?

На следующее утро я просыпаюсь с тяжелым камнем на сердце. Иду на работу без всякого энтузиазма. А точно в половине второго за стеклом снова вижу его.

Ярик.

Стоит, как обычно, на том же месте. Но в его позе больше нет прежней настороженности.

Заметив меня, он едва заметно улыбается и кивает в знак приветствия. Сердце пропускает удар. Это вот ему я сейчас должна сказать, чтобы больше не приходил?

— Привет, Ярик. – здороваюсь я, выйдя к нему на улицу.

— Здравствуйте.

— Ярик, — я присаживаюсь перед ним на корточки. – Вчера ко мне приходил твой папа… — и по тому, как мальчик испуганно распахивает глаза, я понимаю, что он об этом не знал. Строгий папа не удосужился провести беседу с сыном? Я тяжело вздыхаю. – Ярик, он… он пока против. Но знаешь… — я делаю последнюю, отчаянную попытку. — Может быть, мы можем поговорить с твоей мамой?

Ярик мгновенно меняется в лице. Его взгляд гаснет, а плечи опускаются. Он смотрит куда-то мимо меня, в пустоту.

— У меня нет мамы, — говорит он тихо и ровно, без всякой интонации, и, пока я судорожно хватаю ртом воздух, оглушённая новой информацией, добавляет: — Папа, наверное, прав. Мне не стоит сюда приходить.

Глава 5.

Клим.

Переворачиваю очередной блинчик на сковородке, стараясь, чтобы он получился идеально золотистым, как любит Ярик.

Сегодня я взял день работы на удаленке, чтобы побыть рядом с сыном, отвести его в школу, забрать после и может быть куда-нибудь сходить. Поймать последние теплые деньки и немного развеяться.

— Завтрак готов! — объявляю я бодрым тоном, выкладывая стопку блинов на тарелку.

Ярик появляется в дверях кухни и плетется к столу. Молча садится, берет вилку и начинает ковырять самый верхний блинчик.

— Как спалось? — пробую я растормошить его. — Что-нибудь снилось?

— Нормально, ничего не снилось.

— Тоже хорошо, значит сон был глубоким. Вкусно? – взглядом указываю на его тарелку.

— Да. Спасибо, папа, — кивает Ярик.

И вроде бы он не игнорирует, отвечает на мои вопросы, даже не односложно, но все равно ощущение, что делает он это на автопилоте.

Дождавшись, когда кофемашина приготовит мою утреннюю порцию кофе, сажусь напротив.

Чтобы разбавить чем-то неуютное молчание, во время завтрака я рассказываю Ярику про новый проект, над которым работаю. Мой второй проект на новом месте работы и первый самостоятельный. Ярик слушает и вежливо кивает в нужных местах, но по отсутствующему взгляду понятно, но ему это совсем не интересно. И я замолкаю.

Провожаю его в школу и возвращаюсь домой. Включаю планшет, открываю чертежи нового бизнес-центра. Линии, окружности, углы. Все четко, предсказуемо и понятно. Подчинено законам физики, геометрии и моей воле. Почему в жизни не может быть так же?

Мысли снова возвращаются к вчерашнему разговору с преподавателем танцев. Олесей. К ее глазам, полным непокорности, праведного гнева и… даже обиды. Последнее очень сильно сбивает с толку. Какая ей разница? Судя по тому, что я видел, студия пользуется успехом, у нее в группах полным-полно таких увлеченных детей. Одним клиентом больше, одним меньше… Но почему-то ее слова о таланте, уверенности в себе и дисциплине звучат в голове настойчивее, чем мои собственные аргументы.

Откладываю планшет в сторону. Но я ведь их и не отрицаю. И про танцы в целом ничего не имею против. Просто… не хочу, чтобы они забрали у меня еще одного дорогого мне человека.

Я просто физически не могу этого допустить.

У Ярика сейчас столько всего и его тяга к чему-то знакомому, тому, что когда-то любил, вполне объяснима. Но это пройдет. Надо просто переждать.

В два часа я уже стою у школьных ворот. Дети высыпают наружу, кричат, смеются, подгоняют друг друга портфелями, дергают девчонок за косички. Ярик выходит одним из последних. Увидев меня, он хмуро сводит брови вместе.

— Ты не против, если мы сегодня отклонимся от привычного маршрута и прогуляемся через парк? — спрашиваю я, забирая его рюкзак. Тяжелый. И как только Ярик носит его?

— Без разницы, — бросает он, как мне кажется, слегка раздраженно.

В местном парке нет каких-то особенных развлечений, просто деревья, лавочки, детская площадка, пара скульптур, небольшой ларек с мороженым у главного входа. Поход сюда я придумал почти на ходу, просто не желая идти домой прежней дорогой мимо этих чертовых панорамных окон. Но сейчас даже рад, что мы сюда зашли.

— Вот, держи, — протягиваю Ярику рожок его любимого шоколадного пломбира и в благодарность получаю редкую улыбку. – Присядем?

Располагаемся с ним на лавочке, тут же неподалеку. Едим мороженое, глазеем по сторонам, дышим еще теплым осенним воздухом, просто наслаждаемся моментом, пока мимо нас не проходит какая-то девочка, чуть старше Ярика, с идеально собранным пучком на затылке и такой же идеальной прямой спиной. Она бросает быстрый взгляд на сына, потом еще один, а затем, словно узнав его, улыбается и машет ему рукой. Ярик отвечает ей робкой улыбкой и приветливым кивком. Провожая ее взглядом до самого выхода из парка, он мрачнее буквально на глазах, пока вдруг не заявляет:

— Я хочу домой.

А дома Ярик отказывается от обеда и закрывается в своей комнате, сказав, что устал.

Я остаюсь стоять на кухне с чувством полнейшей беспомощности. Что я делаю не так? Почему он…

Звонит телефон и я, не глядя, беру трубку.

— Ломакин. Слушаю.

— Клим Александрович, добрый день. Это Ангелина Степановна. Вам удобно сейчас говорить?

Ангелина Степановна – классная Ярика. Внутренности стягивает в тугой узел от плохого предчувствия.

— Здравствуйте. Да, конечно. Что-то случилось?

— Буду с вами честна, меня несколько беспокоит эмоциональное состояние Ярослава. Он… — она делает небольшую паузу, словно подбирая слова. — Клим Александрович, поймите меня правильно, прошло еще очень мало времени, у детей еще полным ходом идет адаптация, но Ярослав стал очень замкнутым в последние дни. Практически не общается с детьми, на уроках сидит в полной апатии, не проявляет никакого интереса. А сегодня на рисовании просто бойкотировал задание. Я просила нарисовать то, чем ребята любят заниматься больше всего. Ярослав сказал, что у него нет такого занятия и просто сидел до конца урока, сложив руки и глядя в одну точку…

Каждое ее слово, как удар хлыстом.

— Я понимаю, — глухо говорю я.

— Вы главное, не пугайтесь, это может быть совершенно нормально, тем более в вашей ситуации, — продолжает Ангелина Степановна. — Но все же будет лучше, если мы совместными усилиями поможем Ярику. К тому же, как мне кажется, прогресс у него уже был. Мальчик начал потихоньку оттаивать. А сейчас вдруг вновь случился откат. Такое бывает.

Я закрываю глаза. Черт.

— Клим Александрович, я не настаиваю и не давлю, но у нас в школе очень хороший психолог, Алена Викторовна. Она специализируется как раз на адаптации и детских тревожных состояниях. Может быть, вам просто… просто пообщаться с ней? Необязательно приводить Ярослава сразу. Просто проконсультируйтесь сами.

— Спасибо, — наконец выдавливаю я, после секундной заминки. — Я… да, наверное, я так и сделаю.

— Вот и отлично, Клим Александрович, — в ее голосе слышится облегчение. — Здорово, когда родители с пониманием относятся к таким вещам и идут навстречу. Я скину вам номер Алены Викторовны, и вы сможете с ней обо всем договориться.

Вешаю трубку, а через минуту моя телефонная книга пополняется новым контактом. С ненавистью смотрю на эти цифры. Они кажутся мне обвинительным приговором. Приговором в моей родительской несостоятельности.

Психолог… Да, пожалуй, психолог будет не лишним. Вот только для Ярика ли?

Глава 6.

Клим.

Работа не клеится. Чертежи расплываются перед глазами, расчеты не сходятся. Отвожу взгляд в сторону от рабочего стола и в темноте окна ловлю отражение своего уставшего лица. Растираю его ладонями, но легче не становится ни на грамм.

И тогда руки сами собой тянутся к нижней задвижке рабочего стола, где лежит старый жесткий диск. Знаю, что это плохая идея, но все равно подключаю его к ноутбуку и открываю папку «Моя М».

Моя Марианна.

Долго листаю фотографии, где она смеется на нашей свадьбе, кормит голубей в парке, спит с новорожденным Яриком на руках, тренируется в зале, выступает на соревнования, затем на других соревнования и снова тренируется… Веселая, счастливая и… такая живая. Я помню ее именно такой.

Включаю первое же попавшееся видео. Танцевальный зал, почти как в «Грации», но чуть меньше и проще. Марианна в тренировочном купальнике. Они с партнером по танцам отрабатывают поддержку. Ее лицо сосредоточено, тело — воплощение силы и грации. Она ловит мой взгляд за кадром, улыбается, подмигивает. А потом делает прыжок. Идеальный, без единой помарки, так словно он не требует от нее каких-то особых усилий. Партнер подхватывает ее и кружит высоко у себя над головой.

Во всех смыслах убийственно красиво.

Выключаю, не желая смотреть дальше. Потому что уже знаю итог. Не конкретно этого видео, а вообще в целом, всего…

С ресниц срываются непрошеные слезы. Я скучаю по Марианне и тому будущему, которого у нас больше нет. А еще я боюсь. Я испытываю по-настоящему животный, парализующий страх за нашего сына. Ведь я знаю, как хрупко может быть совершенство и как легко его сломать.

И не переживу, если это случится и с Ярославом.

На следующее утро я набираю номер школьного психолога. Голос у Алены Викторовны спокойный, располагающий. Мы договариваемся о встрече в тот же день, после уроков.

Во дворе школы я неожиданно встречаю Олесю, в окружении нескольких девочек и, судя по всему, какого-то местного педагога. А когда она тоже замечает меня, сдержанно киваю ей в знак приветствия. Глупо делать вид, что мы не знакомы. И получаю такой же скупой настороженный кивок в ответ.

— Гран-при, надо же, Элечка! – доносится до меня восторженный возглас педагога. – На краевых нужно будет поднажать, чтобы удержать первенство.

Невольно морщусь, словно от фантомной боли.

Чертовы достигаторы со своими установками!

Алена Викторовна встречает меня в своем кабинете и предлагает присесть.

— Расскажите, что вас беспокоит.

— Меня? – почему-то теряюсь я.

— Да, — мягко улыбается она. – Что вас беспокоит в поведении сына?

— А, вы об этом… — слегка успокаиваюсь я и пересказываю все, о чем мы говорили с Ангелиной Степановной.

— Значит, откат, — Алена Викторовна задумчиво стучит указательным пальцем по подбородку. – А не было ли у Ярослава каких-то других переживаний, не связанных со школой?

— Если откровенно… — нерешительно начинаю я. — Были. Он кое-чем заинтересовался, а я посчитал это занятие для него неподходящим.

— В каком плане?

— Небезопасным, травмоопасным и… чрезмерно конкурентным.

— Вы описали сейчас буквально любой вид спорта.

— Это танцы! – выпаливаю я. – Бальные танцы.

Брови Алены Викторовны, едва заметно вздергиваются вверх, в остальном она остается невозмутимо спокойной. Наверное, поэтому я продолжаю дальше.

— Я не хочу, чтобы он… чтобы он сломал себе жизнь в погоне за какими-то кубками, — выдыхаю я, сжимая подлокотники кресла. — Танцы только на первый взгляд кажутся безобидными, но на деле, это совсем не так. Это буквально гладиаторская арена. Выше, лучше, сильнее, рискованнее… Но стоит только сделать одно неверное движение... и всему приходит конец.

Алена Викторовна понимающе кивает.

— Ваш страх абсолютно нормален, Клим. Но давайте подумаем. Вы запретили танцы. Стало ли Ярославу от этого безопаснее?

Я непонимающе хмурюсь в ответ.

— Конечно, он же не будет подвергать себя риску…

— Физически, да, — соглашается Алена Викторовна. – Но что на счет его эмоционального состояния? Считаете ли вы, что оно сейчас в безопасности?

— Нет… — честно выдыхаю я.

Алена Викторовна снова кивает

— Вы пытаетесь защитить своего ребенка, это похвально. Но вы пытаетесь сделать это ценой его психологического здоровья, отнимая у него то, что ему действительно нравится.

Я закусываю губу, еле сдерживаясь, чтобы не возразить. Олеся говорила о том же.

— А что, если найти компромисс? — неожиданно предлагает Алена Викторовна. — Например, разрешить Ярославу ходить на занятия. Но с четким условием — никаких соревнований. Никакой погони за результатом. Если вас так напрягает конкурентная основа, то почему бы ее не исключить?

— Я просто не хочу, чтобы на него давили.

— Клим, а разве сейчас вы не делаете тоже самое? – осторожно уточняет Алена Викторовна.

После встречи со школьным психологом голову буквально разрывает от противоречивых мыслей. И я никак не могу прийти к единому решению, как поступить. А затем понимаю, что не получается это все потому же – я убираю из уравнения самый важный его элемент.

Недолго думая, я стучусь в комнату сына:

— Ярик, мне нужно с тобой поговорить…

Глава 7.

Олеся.

— И раз, и два, и плавно, плавно! Милана, не заваливай корпус! — бодро отсчитываю я, попутно делая замечания расслабившимся танцорам.

Но несмотря на это, занятие я веду словно на автомате, а мыслями витаю где-то далеко. Уже через неделю моих подопечных ждет первый чемпионат, а через месяц краевые соревнования. Нужно отточить программу, подтянуть и исправить все недочеты. Но мой взгляд раз за разом невольно скользит по панорамному окну и непривычной пустоте за ним.

Уже несколько дней подряд там нет маленькой, завороженной тени. Нет Ярика. Только прохожие, спешащие по своим делам.

Вспоминаю, как вчера, когда я приходила в школу, чтобы согласовать с директором и классными руководителями поездку моих танцоров на соревнования, встретила во дворе его отца, Клима. Высокого, строгого и сосредоточенно собранного, в отлично сидящем костюме. Без той гримасы ярости, что искажала его лицо, когда он приходил в студию, он выглядел… другим. Интеллигентным и солидным. Таким, с кем наверняка можно поговорить о сложных вещах за чашкой кофе. И таким, чей сдержанный приветственный кивок заставил мое сердце нелепо пропустить удар.

Конечно же, все дело в эффекте неожиданности. Слишком велик был контраст…

— Олеся? – вырывая меня из мыслей, ко мне подходит Таня, с явными признаками беспокойства на лице.

— Смотри, у Кати, — отведя меня в сторону, она кивает на хрупкую девочку в сиреневом рейтинговом платье, одну из наших самых ярких звездочек, которая старательно повторяет движение, но то и дело морщится и слегка сбивается с ритма. Очень тревожный звоночек. — Вчера на тренировке потянула связки на ноге. Говорит, что уже все прошло, но похоже это не так. Что думаешь, сможет выступать? Может, дать ей противовоспалительное перед выходом?

Я смотрю на Катю и вижу, как она старательно скрывает легкую хромоту, как стискивает зубы от боли, которую ей, вероятно, причиняет каждое движение. И в моей голове вдруг звучит голос Клима Ломакина, полный гнева и боли: «Он упадет, получит травму, а вы возьметесь за следующего!»

Как не прискорбно это осознавать, в чем-то он прав, есть и такие тренеры. Те, кто видит в детях не личности, а инструменты для достижения своих амбиций. Кто заставляет выступать через боль, через слезы, лишь бы заполучить еще один кубок на полку.

Знаем, плавали.

Однако я не из тех, кто ставит результат любой ценой выше здоровья ребенка.

— Нет, — говорю я твердо, но немного громче, чем планировала. Несколько пар детских глаз с любопытством оглядываются на нас, и я понижаю тон: — Никаких выступлений и тем более никаких таблеток. Сегодня только легкая щадящая растяжка, потом домой, покой и лечение. Соревнования для нее пока отменяются.

— Ты права, — Таня одобряюще кивает. В этом наши с ней взгляды совпадают, иначе бы мы не сработались. И грустно вздыхает: — Жаль, конечно, она так готовилась…

— У нее будет еще миллион соревнований. Здоровье дороже, — отрезаю я.

Катя, конечно же, расстраивается, пытается спорить, а когда понимает, что это бесполезно, виновато смотрит на своего партнера по танцам, который тоже автоматически выбывает из соревнований, и тихонечко всхлипывает:

— Простите, я всех подвела.

— Ну что за глупости ты говоришь? Это всего лишь одни единственные соревнования, не стоит из-за них урываться, рискуя получить куда более серьезную травму. Катюша, у тебя еще столько всего впереди, — я ободряюще глажу ее по плечу.

Пусть сейчас она так не считает, но ее благополучие, гораздо важнее наград.

Оставшаяся часть занятия проходит в штатном режиме. Получив от меня ободряющие напутствия, дети бегут в раздевалки, а затем прощаются и расходятся по домам.

Мы с Таней еще на некоторое время задерживаемся в кабинете, обсуждая рабочие моменты и ситуацию с выбыванием одной из самых сильных наших пар.

В какой-то момент Таня вдруг задумчиво замолкает, уставившись на плакат за моей спиной. На нем я, исполняю простой арабеск. Привет из моей прошлой жизни.

Невольно морщусь. Сколько раз я собиралась его снять и убрать с глаз долой. Но Таня не давала. Ведь он так нравится детям и еще больше их родителям, которые с куда гораздо большим энтузиазмом отдают своих отпрысков под начало именитого профессионала.

И не важно, что имя я получила в балете, а не в бальных танцах.

— Не жалеешь? – спрашивает вдруг Таня и я без лишних уточнений понимаю, что она имеет в виду.

— Ни капельки, — отвечаю я, все же немного лукавя.

Я действительно не жалею, что бросила балет, даже несмотря на то, что изначально это было вовсе не моим решением. Но иногда безумно скучаю по нему.

Мы засиживаемся так, что на улице уже темнеет.

Таня уходит первая, а я еще проверяю зал и только затем иду на выход. Закрывая дверь, слышу, как кто-то приближается ко мне со спины и резко оборачиваюсь, выставляя связку с ключами вперед в качестве орудия для самозащиты. Но вижу перед собой не опасного преступника, а знакомую фигуру в темном деловом пальто.

Кровь отливает от лица, а сердце ухает куда-то вниз.

Клим.

И зачем он пришел на этот раз?

— Олеся, уже поздно, можно я вас провожу?

Глава 8.

Клим

Иду по вечерним улицам, сложив руки в карманы пальто. Воздух уже по-осеннему свеж, а фонари отбрасывают на асфальт длинные желтые пятна. Ярика пригласили на день рождения одноклассника, который живет в нашем районе, и я решил не выгонять машину, а прогуляться за ним пешком, выйдя немного пораньше, оговоренного времени. Да и сыну будет не лишним подышать перед сном на обратном пути.

С тех пор как мы поговорили с ним по душам, наши отношения стали на порядок теплее. Хотя на тот момент мне казалось, что этого уже не вернуть. Ведь когда я зашел в комнату сына, он ощутимо напрягся, а поняв, о чем именно я хочу с ним поговорить и вовсе ушел в глухую оборону.

Мне было больно видеть его таким, и еще больнее осознавать, что я, пусть и не был первопричиной, но существенно усугубил его состояние. Мы редко говорили с ним о Марианне. По началу, потому что было невыносимо тяжело даже думать о ней, не то, что говорить, а потом… Потом это просто вошло привычку. Ведь зачем ковырять так и не зажившую до конца рану? Я думал, что так будет лучше для нас обоих. Но, очевидно, был не прав.

— Мне звонила Ангелина Степановна, — решил я тогда начать с малого. – Сказала, что у тебя хорошие способности к рисованию и математике.

И это была чистая правда, первое время, классная очень хвалила способности сына. До того случая с бойкотом задания и ее беспокойстве о его эмоциональном состоянии.

Черт, может не стоило тогда упоминать этот предмет?

Но Ярик неожиданно расслабился и ответил:

— Да, мне нравятся эти уроки.

— Думаю, это досталось тебе от меня, — невольно улыбнулся я. – Я тоже очень любил в школе математику, геометрию в частности, и рисование, а затем и черчение.

— И поэтому стал архитектором? – неожиданно заинтересовался сын.

— Да, в том числе.

— Думаешь, я тоже могу им стать? – задумчиво нахмурился Ярик, глядя в окно, из которого открывался отличный вид на новый район с высотками.

По нему было не понятно, рад он этому открытию или нет.

— Если захочешь, — пожал я плечами и, немного помедлив, осторожно продолжил: — Но это не единственное к чему у тебя есть способности. От мамы тебе тоже кое-что досталось, — постарался произнести я как можно спокойнее.

Но Ярик все равно испуганно замер, словно его поймали с поличным на месте преступления.

— Она тоже очень любила слушать разную музыку, и очень любила блинчики по утрам, хотя ей было их категорически нельзя, — усмехнулся я, вспоминая, как часто Марианна нарушала диету, за что неизменно получала нагоняй от своего худрука.

— Готовить блинчики… она тоже любила, — робко добавил Ярик, глядя прямо перед собой.

— И танцевать. Танцевать она любила больше всего.

Иногда мне кажется, что даже больше, чем нас с сыном…

В груди привычно кольнуло.

— Да, — на грани слышимости выдохнул Ярик, и мы оба на секунду замолчали, уносясь в одни и те же воспоминания. Светлые и горькие одновременно. — Я по ней скучаю, — вдруг добавил Ярик.

Легко и непосредственно, как умеют только дети.

— Я тоже, сынок. Очень, — сглотнув ком в горле ответил я.

Ярик немного помолчал, а потом добавил, все так же глядя перед собой:

— Иногда она включала музыку, когда готовила. И мы просто кружились по кухне. Так, без всяких правил. Было весело.

Он сказал это вскользь, и я лишь кивнул, боясь спугнуть этот момент откровения между нами. Момент в тихой грусти и памяти, который связал нас в тот вечер покрепче любых слов.

На следующий день я попытался поговорить с Яриком и о занятиях танцами, но он лишь отмахнулся, не став даже слушать. А я, вместо ожидаемого облегчения, ощутил иррациональное разочарование.

Задумавшись о том, как бы снова вывести Ярика на разговор, как донести до него свои мысли, я не замечаю, как вместо обходного пути, которым предпочитал ходить в последнее время, иду привычным, мимо студии «Грация».

А понимаю это лишь замерев у панорамного окна, сквозь которое вижу Олесю, одну в зале, освещенном лишь несколькими софитами. И она… нет, не танцует. Но двигается так плавно и грациозно, словно паря над полом, что это легко можно посчитать одним и тем же.

Завороженно слежу за каждым ее движением, не в силах оторвать взгляд. Хотя она всего лишь обходит по кругу зал, убирает на место какой-то реквизит, а затем гасит свет, выходит на улицу и закрывает дверь.

Словно почувствовав мое приближение, она резко разворачивается, выставив вперед связку ключей. Разумно, мало ли кто, может поджидать в темноте.

Судя по настороженности во взгляде, Олеся думает так же. И ее ничуть не успокаивает тот факт, что перед ней стою я. Отчего то это задевает.

И прежде, чем как следует обдумать эту мысль, я предлагаю:

— Олеся, уже поздно, можно я вас провожу?

Она смотрит на меня, как на сумасшедшего. Да я и сам себя считаю таким.

Откуда это вообще взялось?

Мы стоим в неловком напряженном молчании долгую минуту, пока Олеся наконец осторожно не отвечает мне:

— Если только… нам по пути.

Понятия не имею, в какой сторону ей нужно, но решаю честно сказать куда нужно мне, чтобы она не посчитала меня каким-нибудь чокнутым сталкером.

— Действительно, по пути, — уже мягче отвечает она, услышав о том, что я иду забирать Ярика с праздника. – Я живу всего в паре домов от нужного вам адреса.

По началу мы молчим, но потом разговор завязывается как-то сам собой.

— Давно живете в этом районе?

— Несколько лет, — пожимает плечами Олеся. – Мне здесь нравится, тихо, спокойно, красиво.

— Да, хороший район, — я стреляю быстрым взглядом по сторонам, замечая выводы для так и не поставленных фонарей, ларек, там, где было бы логичнее поставить лавочки, отсутствие пандуса на перепаде высоты тротуара и еще несколько неочевидных мелочей. — Есть кое-какие спорные проекционные решения, но это так, уже профдефомация.

— А по профессии вы…?

— Архитектор.

Олеся удивленно хмыкает, но больше ничего не говорит.

Дорога до ее дома проходит незаметно и неожиданно приятно.

— Хорошего вам вечера, — прощаюсь я и уже разворачиваюсь, чтобы уйти, но Олеся останавливает меня.

— Клим, я… я могу вас спросить? – спрашивает она, явно волнуясь, и, ошибочно приняв мое напряженное молчание за согласие, задает следом еще один вопрос: — Почему на самом

деле вы не хотите, чтобы Ярослав занимался танцами? У вас был какой-то отрицательный опыт работы с преподавателем?

— Да, можно и так сказать, — мрачно усмехаюсь я. — Один из них убил мою жену.

Глава 9.

Клим.

Грубые, резкие, отравленные годами накопленной горечи, слова вырываются сами. И вся та мимолетная легкость, что появилась между нами с Олесей за время короткой прогулки, испаряется без следа. Шокированная моей откровенность, она широко распахивает глаза, а рот прикрывает ладошкой.

И это злит. Потому что она имела наглость коснуться самого больного. Зачем? Чтобы удовлетворить свое любопытство? Или у нее есть какая-то другая, неведомая мне цель?

— Доброй ночи, Олеся, — цежу я, оставляя ее у подъезда.

Иду к нужному мне дому через дворы, а гнев колотится в висках. Гнев на Олесю и ее бестактность. И на себя — за то, что сорвался и обнажил свою боль. Наверное, сказанное мной прозвучало ужасно. Но я действительно верю в то, что говорю.

В смерти Марианны виноват ее худрук. И мне плевать, что суд даже рассматривать это дело не захотел.

В квартире, где празднуют день рождения, оказывается непривычно шумно и многолюдно. Меня сразу же замечает мама именинника и, улыбаясь, приглашает войти.

— Клим, проходите, пожалуйста! Дети как раз чай с тортом пьют, присоединяйтесь!

Я хочу отказаться, сказать, что просто заберу Ярика и уйду. Но мой взгляд падает на сына. Он сидит за столом вместе со всеми (а не один где-то в уголке, спрятавшись ото всех) и оживленно разговаривает со смутно знакомой девочкой. А еще он… улыбается. Не той натянутой, вежливой улыбкой, что я видел последние недели, а по-настоящему искренне.

Девочка выпрямляется, поворачивается ко мне лицом, и я узнаю в ней ту юную незнакомку из парка, что помахала Ярику рукой.

— А вы, наверное, Клим, папа Ярослава? – обращается ко мне миловидная ухоженная женщина в платье с внушительным декольте (и это на детском-то празднике?), словно из ниоткуда появившаяся рядом. – Я – Алла, мама Кати, — представляется она, кивая на девочку рядом с моим сыном.

— Взаимно, — вежливо улыбаюсь я.

— Знаете, — Алла понижает голос, — Я так рада, что дети нашли общий язык. Катя после травмы совсем приуныла. Ее сняли с очень важных для нее соревнований по танцам. Бедняжка полдня проплакала после тренировки. А ваш Ярик смог ее рассмешить...

— Серьезно травмировалась? — непроизвольно хмурюсь я.

— Да нет же! — небрежно отмахивается Алла. — Пустяки. Растяжение связок. Но наш тренер — она, конечно, профессионал, я не спорю, — но, как по мне, слишком перестраховывается. Говорит, здоровье дороже, — хмыкает она с упреком, но тут же осекается. — Ну понятно, что дороже, но можно же было как-то выкрутиться, дать обезболивающее, поддержать… Ребенок же так готовился! А ее просто сняли. И все, — говорит она с затаенной обидой.

А я ощущаю себя так, словно попал в параллельный мир, где тренер делает выбор в пользу танцора, а не каких-то гипотетических наград, а вот его мама – наоборот.

Как это так?

Проходя мимо нас, другая мама слышит обрывок разговора и качает головой.

— Олеся Викторовна права. Милана сказала, что Катюша прихрамывала еще вчера. Так зачем рисковать? — она оборачивается ко мне, словно в поисках поддержки. — Она у нас не из тех, кто будет гонять детей на износ, сама через это прошла. Ее ведь в свое время руководитель тоже выжал, как лимон, а после травмы списал, как отработанный материал. Она знает, о чем говорит. И с незалеченной травмой никого не выпустит на танцпол, — делится с нами словоохотливая женщина. – Лучше уж перестраховаться…

Обычно я не вслушиваюсь в сплетни, но эта… потрясает меня до глубины души.

«Выжал, как лимон. Списал, как отработанный материал.»

Господи…

Меня словно кто-то с силой бьет под дых. В ушах звенит.

Какая до боли знакомая картина… Вот только в этот раз я, похоже, обвинял совсем не того.

Олеся… Ее решение – это не перестраховка или слабость, а профессиональная осознанность. Выстраданная, оплаченная собственной болью и крушением карьеры. Она не желает для своих учеников той же участи, что постигла ее саму.

А я… я, как последний идиот, набросился на нее с несправедливыми обвинениями.

Жгучее чувство вины накрывает меня с головой. Как же слеп я был. Видел только то, что хотел, лелея свои боль и страх, наложенные на старую рану. Даже не пытаясь разглядеть ничего вокруг.

— Пап, ты как? Все хорошо? — доносится до меня голос Ярика.

Он смотрит на меня с легкой тревогой.

Я делаю глоток воздуха, пытаясь прийти в себя.

— Все хорошо, сынок. Просто… мне надо немного подышать.

— Тогда пойдем домой? – предлагает Ярик.

— А как же твоя подружка? – хмурюсь я, оглядываясь вокруг, но не находя ее.

— Катя уже ушла, ее мама позвала, — пожимает плечами Ярик. – Так, что? Мы идем?

Глава 10.

Олеся.

Пробуждение дается мне нелегко. Отчаянно цепляясь за обрывки беспокойного, бессвязного сна, сознание никак не хочет возвращаться обратно. Голова гудит, а веки налиты свинцом.

Я проваливаюсь в вязкую дрему снова и снова, но каждый раз неприятные колючие мысли выдергивают меня на поверхность.

Откровения Клима до сих пор звучат у меня в ушах.

Теперь все его поступки обретают кристальную ясность. Его дикая, почти животная агрессия, его слепая ярость против всего, что связано с танцами – это не предрассудок, как я считала раньше, а инстинкт. Голый инстинкт раненого зверя, защищающего своего ребенка от мира, который однажды уже забрал у него самое дорогое. Он не просто считает танцы опасными, он точно знает, что так оно и есть. Ведь он уже испытал это на собственной шкуре. Видел, как они могут сломать жизнь.

А Ярик… Маленький, тихий Ярик с его способностями, словно живое напоминание о том, что произошло. В нем Клим видит не только сына, но и призрак ушедшей жены, ее нереализованные амбиции и несбывшиеся мечты.

Мое сердце болезненно сжимается от острого понимания всей трагичности ситуации этой семьи.

Я еще долго лежу и смотрю в потолок, пребывая в тягостной прострации, но реальность безжалостно напоминает о себе противной трелью телефонного звонка.

— Да, мама, — отвечаю я на вызов.

— Олеся? – привычно переспрашивает мама, как будто это может быть кто-то другой. – Ты где?

— Уже собираюсь к тебе, — бессовестно вру я.

— Только собираешься? – недовольно уточняет она. – Я думала ты уже, как минимум, в пути.

— Скоро буду.

— Жду.

Сбросив вызов, накрываю лицо подушкой и глухо стону. Суббота, будь она не ладна. День моей еженедельной добровольной повинности в виде встречи с мамой. Добровольной – потому что маму я люблю, а повинность – потому что она так и не простила мне, что я бросила балет, «позволила одной травме сломать себе жизнь», «предала мечту». И ладно бы я сделала это из необходимости или невозможности вернуться, но нет. Вместо этого я занялась бальными танцами. Непростительная трата потенциала, по ее авторитетному мнению. Именно это она и пытается до меня донести при любом удобном случае.

Через час я уже стою в прихожей отчего дома.

Снимая ботинки, замечаю на комоде балетную программку знакомой постановки.

— Инесса Карловна пригласила, не смогла отказать, — заметив мой взгляд, невинно поясняет мама.

Дежурно приобнимает меня и мы идем на кухню. Мама ставит передо мной чашку ароматного чая с бергамотом и вазочку сухофруктов. Привычка из старой жизни, ведь мне всегда нужно было держать вес.

— И как тебе постановка? – как можно спокойнее спрашиваю я, делая глоток чая.

— Чудесно. Неплохая солистка. Не ты, конечно, но тоже вполне ничего, — вздыхает она. — Инесса Карловна, к сожалению, так и не смогла найти тебе достойную замену.

Ну да. Ну да. И именно поэтому, не став дожидаться моего восстановления, легко отдала мое место примы другой.

Незаменимых нет. Этот урок я уяснила слишком хорошо.

— У тебя ведь были такие данные, — тем временем продолжает мама. — Но что поделать, если ты решила иначе...

— Мне нравится преподавать, — в стотысячный раз повторяю я.

— Если так нравится, могла бы преподавать балетную хореографию в училище, для настоящих балерин, а не заниматься художественной самодеятельностью с детьми…

Ее пренебрежительный тон режет по живому. Сколько раз я пыталась ей объяснить, что моя студия — это не неудачная замена, а мой сознательный выбор. Что я учу детей не просто движениям, а любви к танцу, уважению к своему телу. Но сегодня у меня просто нет сил. Слова Клима о смерти жены и мамины упреки сплетаются в один плотный удушающий комок в центре груди.

— Мам, мне пора, — говорю я, поднимаясь, даже не допив чай. — У меня… дела.

Она хмыкает, но не препятствует. Сегодня я побила свой личный рекорд.

— Приезжай на следующих выходных.

— Как всегда.

Мы сухо прощаемся, и я вырываюсь на улицу. Меня буквально трясет. Нервы оголены до предела. Ужасно хочется сладкого. Пирожное с кремом или эклер. А еще кофе, черный и крепкий, без сахара. Прямо сейчас.

Заскакиваю в первое попавшееся кафе и заказываю у стойки двойной эспрессо с кусочком шоколадного торта, который убойной дозой калорий просто обязан компенсировать всю мою душевную боль.

Бариста озвучивают сумму заказа и выводит ее на терминал, а я лихорадочно роюсь в сумке, не находя кошелька. Господи, только не это. Не сегодня.

— Можно я вас угощу?

Знакомый низкий голос звучит прямо за моей спиной. Галлюцинация, не больше. Иначе откуда ему здесь быть? Я оборачиваюсь, чтобы убедиться в своей догадке, и замираю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.